

**РОССИЙСКАЯ КНИГА ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ XIX СТОЛЕТИЯ:
В. П. БУРНАШЕВ**

Канд. филол. наук, доцент О. И. Тиманова

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

**RUSSIAN BOOK FOR PUBLIC READING OF THE XIXth CENTURY:
VLADIMIR BURNASHEV**

Assoc. Prof. Olga Ivanovna Timanova

Saint-Petersburg State University of Technology and Design

АННОТАЦИЯ: Предметом анализа является „ближний” и „дальний” контексты возникновения и развития российской книги для народного чтения XIX столетия, которая была важным каналом приобщения читателя-простолодына к миру науки и культуры. Пристальное внимание уделяется мало изученным произведениям автора массовой ориентации, одно время популярного русского беллетриста Владимира Бурнашева.

Ключевые слова: *просвещение, массовая культура, книга для народного чтения, „торговое” направление в литературе, тиражирование.*

ABSTRACT: The subject of analysis is the „near” and „far” contexts of origin and development of the Russian book for popular reading of the XIXth century, which was an important channel of familiarizing the reader-commoner to the world of science and culture. Close attention is paid to little-studied works of the author of mass orientation, at one time a popular Russian novelist Vladimir Burnashev.

Key words: *enlightenment, mass culture, a book for popular reading, 'trade' strand of the literature, replication.*

На современной стадии развития гуманитарной науки актуально воссоздание социально-культурных обстоятельств бытования изданий познавательного и хрестоматийно-энциклопедического характера, предназначенных для чтения детей и народа. Подготовка, выход в свет и распространение в России XIX в. Народной книги детерминировалось стремлением передовых представителей общества изменить к лучшему условия жизни и быт простого крестьянства, коррелировало с процессом формирования суждений о путях развития российского общества в целом, отечественной словесности, просветительства, благотворительности и попечительства о народе и детях. При этом предметом обсуждения, сопрягаясь с идеологическими спорами, становились не только самые теории, но и конкретные методы осуществления вырабатывавшихся доктрин.

„Ближний” и „дальний” (М. М. Бахтин) контексты созидаания и функционирования книг для народного чтения регистрировали ту фазу состояния российской словесности, на которой в качестве культурной подсистемы литература достигла относительной автономии.

Образовательная и печатная революция, происходившая в Европе и России в последней трети XVIII – первой половине XIX вв., способствовала выстраиванию новых моделей поведения. В связи с этим кн. Владимир Федорович Одоевский (1803-1869), издававший совместно со своим другом, видным государственным деятелем, крупным российским экономистом Андреем Парфеновичем Заблоцким-Десятовским (1808-1882) народный журнал „Сельское Чтение” (СПб., 1843–1848, кн. 1-4), концепцию своего издания выработывал в единстве литературно-просветительского, собственно педагогического и филантропического подходов. Признанный деятель науки и культуры, убежденный сторонник социального служения, Одоевский полагал, что образованием нации призвана заниматься печать в первую очередь. Принцип просветительства лежал в основе его собственной, безраздельно отданной продвижению в России мысли, науки и знания, многосторонней общественной и универсальной литературно-творческой деятельности. „Вечной целью моей жизни было способствовать распространению просвещения в моем отечестве, и сей цели вечно буду верен”, – не уставал повторять он (письмо М. П. Погодину от 17 августа 1827 г.) (Одоевский, 2012).

В России первой половины XIX столетия книги для народного и детского чтения составлялись по иностранным образцам „с приноровлением к отечественному воспитанию”, как о том говорилось в подзаголовке „Новой энциклопедической русской азбуки и общепользней детской книги чтения”, в 1838 г. подготовленной и изданной в Санкт-Петербурге В. П. Бурнашевым, переизданной в 1843 г. На то, что основанием предлагаемой книжки послужило сочинение виртембергского педагога Вурста „*Das erste Schulbuch...*”, указано и в предисловии к книге Одоевского и Заблоцкого-Десятовского „Рассказы о боге, человеке и природе. Чтение для детей дома и в школе” (СПб., 1849). И пр. Наследуемое первой половиной XIX столетия из Просвещения понятие „культура” в общественно-эстетическом контексте эпохи трактовалось как взращивание, рафинирование, культивация способностей отдельного человека и целого народа в соответствии с идеальным образцом. При этом именно на Западе, и только здесь, в представлении большинства русских общественных деятелей и писателей, возникли явления культуры, развивавшиеся „в направлении, получившем универсальное значение” (Вебер, 1990: 44). Соответственно вступить в общество и обрести свое место в нем, реализовав себя в качестве полноценного и социально-ответственного существа, можно было лишь будучи знакомым с достижениями европейской культуры. Вот почему в практике составления и издания первых русских книг для чтения, начавшей складываться в России в конце XVIII – в 30-40-е гг. XIX вв., европейские (в основном немецкие) учебные книги использовались в качестве образцов, во многом определяв-

ших структуру и содержание такой книги. Позаимствовано было и самое их видовое название *Ein Lesebuch*, переведенное как „книга для чтения” (Сенькина, 2010: 10). Со второй половины 1840-х гг. начала выстраиваться собственно российская традиция книг для народного чтения, и ориентация на европейские содержательно-структурные стандарты при этом не означала исключительно „западный” их генезис. Доказательством этому служит „Сельское Чтение” Одоевского-Заблоцкого, тома-книги которого неоднократно переиздавались в России: с 1843 по 1848 гг. 7 раз, общим тиражом 20 000 экз. (по другим данным – до 30 000 экз.); кн. 1 в 1864 г. вышла в 11-й раз.

В то же самое время триумф „Сельского Чтения” как действительно талантливого явления российской литературно-книжной культуры инициировал многочисленные подражания, нередко посредственные. Повторения уступали образцу, по глубине освоения и широте охвата материала являя собой „вторичность”, клонирование первичных историй, сюжетов и образов. Соответственно продуцировалась язвительная оценка критики, направленная в адрес изданий подобного уровня. Так, в рецензии на 4 и 5 книжки фишеровских „Сельских бесед для народного чтения” В. Г. Белинский иронизировал: „Издание второе! Кажется, с первым мы не имели честь быть знакомы... В четвертой книжке „Полезных советов” заключаются следующие статьи: „Сети”, „Маслобойка с рычагом”, „Соломорезка”, „Ведро, которыми ловко и скоро доставать воду из глубоких колодцев”, „Переносный копер”. Все эти предметы, точно, полезны, кто будет в том спорить? Но полезно ли распространяться на нескольких страницах о том, чего никак вполне словами не объяснишь и чему можно научиться наглядкою в несколько минут, но не иначе, как наглядкою?” (Белинский, 1953, т. 8: 4). Критиком точно уловлена и такая характерная склонность изданий массовой ориентации, как стремление к тиражированию. „Все остальные статьи 4-й книжки, – писал он, – старые знакомые: мы уже имели честь видеть их в „Атласе Музея императорского Вольного экономического общества” (Белинский, 1953, т.8: 4). „Сельские беседы для народного чтения”, с 1843 по 1885 гг. издававшиеся Е. Фишером, Г. Трусовым и Б. Федоровым, на самом деле в противовес поистине энциклопедическому содержанию „народной” хрестоматии Одоевского-Заблоцкого трактовали темы более узкие, хотя по своему важные: методы „народных” арифметических исчислений, способы постройки деревянных домов, неуместность постоянной божбы, непозволительность срамословия, вред пьянства и пр.

Среди потянувшихся одна за одной во второй половине XIX в. „книг о былом на православной Руси” (В. Г. Белинский) встречались и откровенно псевдонародные, фиксирующие „нижний” предел распространения истинных образцов. Всеобщая значимость национально-народных смысловых ориентиров требовала всеобщей их распространенности. Вставала проблема универсальной коммуникации, поддержания и развития различных форм этой коммуникации. „Массовым” каналом воспроизводства культуры выступила книга, книга-хрестоматия для народного и детского чтения в частности. Ведь в свое время

именно печать произвела коммуникативную революцию, предопределив появление массовых газет и журналов, массовой словесности, массовых библиотек.

В основу модели российской массовой книги для народного и детского чтения была заложена идея всеобщей культурно-идеологической индоктринации, способной осуществляться быстро и одновременно. Отсюда вытекала установка в техниках исполнения на известное, понятное, повторяющееся – как на рецепт и норму. В том же ряду стояло и требование массовости адресации.

На практике простота и доступность нередко оборачивались рутинностью. „Нелепой, дикой, бездарной и вместе с тем самой назойливой” (В. Г. Белинский) народной книгой явились, в частности, „Воскресные посиделки” Бурнашева. Отдельными выпусками („пятками”) лубочные сборники под общим заглавием „Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа русского” в течение 1844-1845 гг. изготавливались и выпускались в свет популярным российским писателем и журналистом Владимиром Петровичем Бурнашевым (1812-1888). В 1842-1844 гг. он служил помощником директора Удельного земледельческого училища и пользовался репутацией хорошего агронома, знатока вопросов земледелия и народной жизни.

„Воскресные посиделки” конструировались с опорой на традицию литературных „вечеров” – содержательно-стилистические стандарты, сложившиеся в российской книжной культуре второй половины XVIII-XIX столетия, которые были рассчитаны на немедленное и как можно более широкое узнавание/признание массы как социально не определенной и не закрепленной публики. В функции смысловых трафаретов в „Воскресных посиделках” Бурнашева выступали несущие в себе узнаваемые элементы современности и при этом соединяющие „пропагандистское задание” с „воссозданием официального образа социума” (Б. В. Дубин) синтетические жанры словесности – быль, бывальщина, притча, пословица, басня, сказка. В массовой культуре механизм воспроизводства „народной” системы значений изначально предполагал тривиализацию, схематизацию, повторение примеров, нормативно утвержденных как „правильные”. На них базировалось большинство имеющих выход в массовую аудиторию книг для народного чтения, в том числе и такое сочинение упомянутого автора, как „Деревенский староста Мирон Иванов. Народная быль для русских простолюдинов” (СПб., 1839). Клишированию в многочисленных печатных версиях народной книги подвергались образцы актуальной словесности, уже зарекомендовавшие себя, получившие право стать достойными массового распространения. Ведь и в высоко оцениваемом современниками „Сельском Чтении” Одоевского-Заблоцкого, помимо богатого образовательно-энциклопедического материала, содержались также статьи морально-идеологического, а подчас и откровенно пропагандистско-тенденциозного характера, например, такие как „Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро”, „Как надобно пахать землю, чтоб хорошо хлеб родился”, „Плохо тому, кто не умеет жить в своем дому”, „Пить до дна не видать добра”, „Пожалеешь лычко, заплатишь ремешко” и др.

В российской словесности Бурнашев представлял так называемое „торговое” направление. Длительное время сотрудник, а затем редактор болгаринского журнала „Эконом”, он не скрывал своей приверженности к литературной коммерции. В положительном контексте Бурнашев воспроизводил некоторые из суждений патрона, родственные собственным представлениям об успешности литератора. Так, со слов Бурнашева, по поводу газеты „Северная пчела” (издавалась с 1825 г. Фаддеем Венедиктовичем Булгариным и Николаем Ивановичем Гречем) Булгарин говорил будто бы следующее: „Можете себе представить, из всех газет государь одну только „Пчелку” читать изволит (я это положительно знаю) и отзывается обо мне, что я король Гостиного двора” (Бурнашев, 1871: 19). Характеристики аналогичного рода импонировали и Бурнашеву. Как литератор и журналист он был вхож в придворные круги, в качестве беллетриста долгие годы популярен, известен под несколькими литературными псевдонимами (Вадим Байдаров, Виктор Бурьянов, Борис Волжин, Касьян Касьянов, Б. В-н, Артемий Арбашев, Петербургский старожил В.Б.), а книги для народного и детского чтения, по его собственному признанию, „пек, словно блины”. Столь же популярна была и сестра Бурнашева Софья – „девица Эсбе”, автор нескольких детских повестей („Бурёнушка”, „Розовое лекарство”, „Нишяя” и др.) и издательница журналов („Часы досуга”, „Калейдоскоп”).

Сын орловского вице-губернатора, Бурнашев происходил из старинного дворянского рода, образование получил в частном французском пансионе, сочинительством начал заниматься с 16 лет, за двадцать лет чиновничьей службы сделал неплохую карьеру. Тем не менее, в 1849 г. в чине надворного советника Бурнашев ушел в отставку, государственной службе предпочтя исключительно литературную деятельность. Побудительным мотивом к такому поступку, по всей видимости, служил характерный для авторов массовой литературы подход к сочинительству, приносящий немалый успех у читательской аудитории. Компилируя произведения авторов, пользовавшихся популярностью, Бурнашев заимствовал из них целые куски, переделывая на свой лад и по своему вкусу. Так, в „Новом кавказском пленнике, черкесской повести” (Библиотека детских повестей и рассказов. СПб., 1837-1838) писателем эксплуатировались модные литературные приемы, найденные А. С. Пушкиным в „южных” поэмах. В рассказе „От сального огарка Москва сгорела” (Рассказы о народной войне 1812 года. СПб., 1888) широко перефразировались произведения Л. Н. Толстого и других современников, писавших о войне 1812 года, главным образом главы „Войны и мира”, описывающие оставление русскими Москвы и Смоленска. Излюбленный читателями первой половины XIX столетия жанр литературного путешествия Бурнашев преобразовал в „прогулки” – свод сведений по географии, этнографии и истории, порой бессистемный (Прогулка с детьми по Санкт-Петербургу и его окрестностям. СПб., 1838; Прогулка с детьми по России. СПб., 1939; Прогулка с детьми по Земному шару. СПб., 1844). Сам по себе прием свободного диалога в энциклопедической книге для юношества, беседы взрослого и ребенка о достопримечательностях города, страны был плодотво-

рен. В частности, в книге Л. А. Ярцевой (1794-1876) „Прогулка с детьми по Киеву” (СПб., 1859) увлекательно рассказывалось о памятных местах древнего города, примечательных эпизодах из русской истории. Сочинения же Бурнашева в этом и других литературных жанрах изобиловали фактическими ошибками, страдали переизбытком дидактики. В связи с этим Белинский, отмечая талант писателя как автора детской повести „Русая коса”, которую он называл „бесподобной”, а самого автора – „истинным кладом для детей”, подвергал Бурнашева критике – за множество неточностей в описании природы Крыма, за самое скучное и голословное исчисление зданий и достопримечательностей Петербурга и пр.

За неимением лучшего книги Бурнашева, в том числе хрестоматийного характера, однако, раскупались и читались – во многом потому, что соединяли в себе непроблематичность изображаемого и средств изображения, востребованные массовой культурой. Соответствующий спрос порождал соответствующее предложение. Тиражи развлекательно-познавательной литературной продукции в России на протяжении XIX столетия последовательно увеличивались. Этим, в свою очередь, акцентировалась „трансформация масштабов участия субъектов в коммуникативных процессах, в жизни общества как таковой” (Дубин, 2005).

В итоге деятельность Бурнашева по созданию книг для народного и детского чтения, отражая общественное расслоение и массовизацию культуры, охватывала практику как положительную, так и отрицательную. В духе нового времени Бурнашев разрабатывал традиционную для детской литературы эпохи Просвещения пару персонажей *добродетельный ребенок - порочный ребенок*. Образы детей создавались писателем в единстве взаимоисключающих начал: персонажи-дети сильны и мужественны, одновременно – покорны и чувствительны. Судьбы детских и взрослых героев Бурнашев выстраивал по устойчивой схеме сказки: уходя из дома бедным, молодой человек находил себе благодетелей (=волшебных помощников), с их помощью приобретал собственное дело и к родителям возвращался человеком богатым и уважаемым. При этом исход всех начинаний, как в свое время Екатерина Великая – писательница, Бурнашев объяснял исконно русскими добродетелями: умением трудиться и умением терпеть. Успех произведений Бурнашева в массовой аудитории, включая книги для чтения, обеспечивался, таким образом, архетипом сказки: проецируемое на современные сюжеты сказочное мироощущение удовлетворяло потребности читателя любого социально-возрастного типа – „аристократического” и „рядового”, „детского” и „взрослого”, „элитарного” и „массового”. Параллельно сочинению произведений для детей и народа Бурнашев много внимания уделял и компоновке различных познавательных изданий: словарей, энциклопедий, руководств, наставлений, памяток. Одновременно активно проявлял он себя как поставщик „бульварного” чтения (Наши чудодеи. СПб., 1875; Сатана в образе красавицы. СПб., 1886 и др.).

Наряду с этим массовая литература XIX столетия, в силу своей социокультурной природы, не всегда несла в себе отрицание или разрушение культуры.

Скажем, в синхронных „Воскресным посиделкам” Бурнашева „Воспоминаниях” Булгарина, впервые изданных в Санкт-Петербурге в 1846-1849 гг. М. Д. Ольхиным, давалось достаточно объективное описание тяжелого положения крестьян Российской Империи, начертанное с позиций просвещенности и прогресса. „Мы останавливались на квартирах в крестьянских избах, а всем известно, в каких домах живут крестьяне Петербургской губернии, – писал Булгарин. – В сорок лет, в этом отношении ни что не улучшилось! В избе тесно, душно, дымно и грязно. Стены покрыты насекомыми!” (Булгарин, 2001: 266). Писатель, творчество и литературно-общественная деятельность которого еще при жизни обрели ореол „массовости”, поставленной в оппозицию к „элитарности”, вспоминая о военных походах первых десятилетий XIX в., способен рассуждать как „политический реалист (Н. Н. Акимова), мыслить гуманно и здраво. „Ужели мы никогда не дождемся того, чтоб крестьяне, в северной полосе России, жили в хороших, чистых, уютных домах, как в Новой Финляндии и в Малороссии? – сетует он. – Вот уж к этому следовало бы их понудить! Императорское вольное экономическое общество, за несколько лет пред сим, предложило задачу: „исследовать причины смертности детей в России, в простом народе”. Один взгляд на крестьянскую жизнь, в северной полосе России, решает эту задачу! Крестьянские дети в мороз и слякоть бегают в одних рубашонках или в лохмотьях, босые, по двору и по улице, простужаются и впадают в смертельные недуги. <...> Предрассудки увеличивают зло. Крестьянин боится медика и лекарства, хуже чем болезни, и верит шарлатанам-знахарям <...>, и пр. (Булгарин, 2001: 267).

Массовая литература XIX в., иными словами, продолжает культуру, но на другом уровне и другими средствами. Что же касается конкретно Бурнашева, то в контексте начавшейся в 1840-е гг. „массовизации” российской культуры просветительские задачи словесности беллетрист рассматривает сугубо утилитарно. Прагматический подход к писательству обуславливает падение Бурнашева как писателя в конце его жизни. По небезосновательному замечанию Н. С. Лескова, потеря художественного таланта беллетриста закономерна, когда литература становится не „искусством и служением исповедуемой истине или идее”, а „средством для заработка, и только” (Лесков, 1888: 563). Неслучайно Белинский, говоря о полезности „народных” книг, указывал: „Не принадлежа собственно к тому, что обыкновенно называется „литературою”, они, тем не менее, должны принадлежать „к важнейшим произведениям современности, и весом своей внутренней ценности перетягивать многие пуды романов, повестей, драм – даже „патриотических” (Белинский, 1953, т. 9: 301–302).

Реальная разноречивость концепций и печатных версий российских книг для народного чтения в XIX столетии фиксировала увеличивавшуюся сложность литературы и самого общества, множественность авторов и неоднородность читателей (с точки зрения социального расслоения, территориального распределения по линии „центр/периферия”, этико-эстетических ориентировок и пр.). Многочисленные литературные вариации на тему „книга для народного

чтения” ориентировались на усложняющееся восприятие: в обличии „элитарном” или „массовом” такая книга каждый раз по-своему, с помощью собственных механизмов словесного воздействия стремилась влиять на читательскую аудиторию. При этом „массовый” уровень не исчерпывал богатства реальных связей и коммуникаций в культуре и обществе. Точно так же литературный рынок сам по себе не создавал и не в силах был создать „большое” общество либо заместить его. Именно поэтому, адресуясь в 1843 г. к автору 1-й книжки „Сельского Чтения” М. Н. Загоскину, Одоевский подчеркивал: „Это дело не литературное, не блестящее, но, может быть, более дело кровное; беда, если разрастется наш народ с первой минуты чтения, под влиянием нелепой блудни, <...> безверия и прочих гадостей <...>; <...> наша минута – важная минута: теперь нашему простому народу, кажется, не более лет тринадцати; беда, если [он] <...> испортится и физически и нравственно, и после не поправишь никаким лекарством; а чем кормить его теперь – о том не худо подумать и раздумать” (Одоевский, 2012).

Литератур:

1. Belinskiy, V. (1953), Poln. sobr. soch. v 13 t., Moskva, URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3950.shtml (Data obrastheniya: 09.12.2012).
2. Bulgarin, F. (2001), Vospominaniya, Izdatelstvo Zacharov, Moskva, URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (Data obrastheniya: 27.04.2012).
3. Burnashev, V. (1871), Iz vospominaniy peterburgskogo starozhila. Chetvergi u Grecha, Zaryua, 1871, № 4.
4. Veber, M. (1990), Izbrannye proizvedeniya, Izdatelstvo Progress, Moskva.
5. Dubin, B. (2005), Drugaya istoriya: kultura kak sistema vosproizvodstva, Otechestvennye zapiski, № 4, URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/drugaya-istoriya-kultura-kak-sistema-vosproizvodstva> (Data obrastheniya: 04.04.2013).
6. Leskov, N. (1888), Pervenetz bogemy v Rossii, Istoricheskiy Vestnik, № 6.
7. Odovskiy, V. (2012), URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/94520 (Data obrastheniya: 08.10.2012).
8. Senkina, A. (2010), „Kniga dlya chteniya” kak vid uchebnogo posobiya dlya nachalnogo obucheniya: voprosy tipologii i istorii isdaniya (konetz XVIII – pervaya polovina XIX vv.), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstva, Sankt-Peterburg.